

Николай не знал, как долго он падал, так как темнота острова, казалось, искажала его восприятие времени. Однако после того, как он провалился сквозь барьер, он восстановился.

Рана на его руке все еще шипела от божественной энергии, вторгшейся в его тело. Тот факт, что немой был еще одним возлюбленным Селестии, не удивил Николая, так как все, кого он ненавидел, были такими же.

Однако его большим горем было то, что он стал причиной ее пробуждения. Или, скорее, его действия, направленные на то, чтобы заставить Серхио двигаться дальше, заставили немого пробудить ее силы.

Слова, которые он сказал, чтобы ранить своего самого дорогого друга, все еще задерживались в его памяти. Однако была непреложная истина, что даже если Николай сказал их, чтобы заставить Серхио двигаться дальше, он все равно не врал.

Серхио был его другом, но алхимик не знал его достаточно, чтобы считать таковым. Однако привязавшийся к нему Серхио через месяц совместной жизни сказал все о потребности алхимика в людях.

«Я хочу, чтобы ты вырос из этого, Серхио», — подумал Николай, когда его тьма окутала его, как кокон. Затем он приземлился на неровную землю, прежде чем начал скатываться с какой-то скалы.

Поскольку его зрение и восприятие были затруднены, Николай не знал, куда он направляется. Кроме того, даже если он не защищал себя своей тьмой, остров не был полон солнечного света.

Его падение, наконец, остановилось, как и боль от удара, который сопровождал его. Затем, словно вылетевшая бабочка, его кокон разорвался, обнажив раненого Николая.

— Черт, — Николай схватил его руку, от которой пахло божеством. «Что я сделал, чтобы почувствовать такую боль?» это было больше, чем он мог вынести, но ничто не могло остановить это.

Боль не была физической. Это было духовно. Его существование как Темного Фейри сделало его относительно слабым против божественных сил.

«И по какой-то чертовой причине каждый человек, которого я встречаю, кажется носителем такой божественности».

Не все боги были хорошими, и не все они были злыми, но кажется, что они оба были проклятием для его существования. Более того, судя по Проклятию Изгнанников, Селестия ненавидела саму его расу.

«Должны быть способы противостоять этому божеству, и одним из таких способов может быть Абсолютный Щит», этот факт сделал его еще более отчаянным, чтобы получить Легендарный Навык.

Пытаясь осмотреть окрестности, Николай очутился у подножия дюны. То, на что он упал, было черным песком, который, казалось, составлял большую часть острова. В поле зрения не было ни души, и это знание сделало его одновременно и облегченным, и осторожным.

— Думаю, это еще одно препятствие, которое мне нужно преодолеть, — вздохнул Николай. «Просто выздоравливай уже», — он посмотрел на свою тьму, сражающуюся с последними

остатками божественного из его рук. Когда все наконец закончилось, боль, пронзившая его сердце, наконец утихла. — Ха, — вздохнул он.

Рана начала заживать очень медленно, но неизбежные повреждения останутся там навсегда. Николай попытался сжать руку, и это заставило его вздрогнуть.

«Мне нужно идти», чувство безотлагательности охватило его. Его восприятие времени было искажено в этом месте, так что лучше было покончить с этим побыстрее.

Поскольку Навыки были проявлением силы, было почти наверняка, что монстры поблизости. Однако сила монстров и окружающей среды будет зависеть от времени и удачи.

«Может быть, я должен использовать удачу, чтобы выжить в этом богом забытом месте», Николай посмотрел на свои очки судьбы, которых было 31. Это было после того, как он поглотил двух рыцарей и использовал Мудрый выбор.

Однако такой общий способ изменить свою удачу заключался не в манипулировании вероятностью одного события, а в множестве бесконечных событий. Так что, если он когда-нибудь получит другой выбор для своего следующего таланта родословной, он будет иметь статистику удачи.

Николай снова начал взбираться на дюну, чтобы получше рассмотреть остров. Но, к сожалению, после блокировки взрыва и борьбы с немым мана Николая почти иссякла, что затрудняло даже подъем.

После того, как он поднялся на дюну, он посмотрел на окрестности, и, как он и ожидал, это была бескрайняя пустошь. Черная пустыня простиралась далеко вдаль, пока он больше не мог видеть. Сзади раздался зловеющий звук, который насторожил его. Когда он повернулся, чтобы посмотреть на источник, он ничего не увидел.

В небе сверкнула молния, а потом грянул гром. Тут-то Николай и понял, что это был за звук. Это была приближающаяся песчаная буря. Если это действительно дошло до него, все обернется совсем безобразно.

Ноги зашевелились, прежде чем разум принял решение, и Николай убежал от бури. К счастью, похоже, монстры знали, что лучше не оставаться в этой черной пустыне, так что Николай не встретил ни одного из них на бегу.

Буря грохотала, приближаясь, катясь быстрее, чем Николай мог убежать. Но, к сожалению, его пятьдесят с чем-то характеристик в ловкости точно не делали его самым быстрым человеком из ныне живущих.

Потоки воздуха угрожали поднять и увлечь его в шторм, но ветер и песок разорвали его тело. Именно в этот момент его тьма достаточно регенерировала, чтобы он мог спрятаться в своем карманном измерении.

Николай исчез со своего места и появился в своем измерении, и упал на колени. Он не мог сказать, сколько времени пройдет буря, но, по крайней мере, он был в безопасности, пока его мана снова не иссякнет.

Карманному измерению требовалась мана, чтобы оставаться стабильной, и его срок службы приближался к концу. Но, поскольку он находился внутри отдельного пространства, Николай не мог регенерировать ману из мира, как обычно.

— Будем надеяться, что я переживу бурю, — Николай лег на спину, ожидая. Тишины карманного измерения было достаточно, чтобы он услышал, как кровь течет по его сосудам, и она почему-то, казалось, усиливала тишину.

Воспоминания, которые он пытался запечатать, всплыли в его сознании, те самые, которые сделали его злодеем для любого, кто встречался с ним. Однако он знал, что у его возвращения сюда была цель, и это могло быть нечто большее, чем просто месть.

Часы тянулись, пока измерение не стало нестабильным. Даже если он был в самом сердце бури, Николаю нужно было уйти, прежде чем его вырвет все, что он держал в этом пространстве.

После того, как он снова появился в мире, измерение возобновило свою стабильность. К счастью, буря миновала, но изменила обстановку.

"Ауууу"

За его спиной раздался вой, и Николай обернулся, чтобы посмотреть на появившуюся песчаную лису. Это был крошечный монстр из песка, но он был далеко не дружелюбным.

Глаза Николая налились кровью, когда вокруг него появились черные лепестки. Затем лепестки устремились к лисе, уничтожая ее. Затем Николай закашлялся кровью. Николаю пришлось доить ману в своих клетках, чтобы использовать эту атаку, которая стоила дорого. - В таком жалком состоянии я оказался, - беспомощно улыбнулся он, доставая сумку с зельями. Однако Серхио больше не давал ему восстанавливающих ману зелий, не то чтобы было полезно часто их использовать. Николаю пришлось ждать, надеясь, что чудовища не появятся. Он закрыл глаза, сидя посреди бесчисленных дюн, чтобы сосредоточиться на восстановлении. - Там, где начинается бездна, заканчивается божественное. Когда появится бездна, нежить поглотит весь мир. Те, кто подружится с бездной, будут съедены ею. И если ты будешь достаточно долго смотреть в бездну, бездна снова посмотрит на тебя.

Николай повторял слова, выгравированные в его сознании, когда тьма проникала в него, притягивая еще больше тьмы. Лепестки создали больше лепестков, и они восстановили его ману. Боевые искусства помогали обычным людям восстанавливать ману и напрягать небесные струны для получения силы. Но для тех, кого Селестия бросила, как Николая, не было другого места, кроме бездны.

Искусство восстановило его ману, и Николай открыл глаза. Встав, он снял повязку, скрывавшую его черты. Его черные волосы окружали уши, но их было недостаточно, чтобы скрыть их заостренные концы. Он закрыл глаза, сидя посреди бесчисленных дюн, чтобы сосредоточиться на выздоровлении.

«Там, где начинается бездна, заканчивается божественное. Когда бездна появляется, нежить пожирает мир. Те, кто дружит с бездной, будут съедены ею. И если вы достаточно долго смотрите в бездну, бездна будет смотреть в вас .»

Николай процитировал слова, выгравированные в его сознании, когда темнота воняла в него, притягивая еще больше темноты. Лепестки создавали новые лепестки, и они восстанавливали его ману.

Боевые искусства помогали обычным людям регенерировать ману и напрягать небесные струны для силы. Но для таких, как Николай, брошенных Селестией, не было иного места, кроме бездны.

Искусство регенерировало его ману, и Николай открыл глаза. Поднявшись, он снял повязку, скрывавшую его лицо. Его черные волосы окружали уши, но этого было недостаточно, чтобы скрыть их острые кончики.

Всегда было освежающее чувство, когда Николай позволял своим ушам потянуться. Его острые зубы превратились в ухмылку, когда жажда власти сменила прежнее одиночество.

— Абсолютный Щит, — усмехнулся Николай. "Ты мой!"

Его путешествие по пустыне началось с того, что Николай бросился вперед. По мере того, как он путешествовал в зависимости от направления сильнейшей маны, начали появляться монстры.

Гигантские монстры, населявшие песок, открылись, чтобы напасть на него, но парные ятаганы Николая разрубили их пополам. В тот момент, когда его клинки коснулись тел монстров, они уничтожили их, используя его искусство.

Голем, скорпион, гигантские песочные лисицы и пятидесятилетние черви пали от его клинков. Однако пустыня казалась бесконечной.

<http://tl.rulate.ru/book/73165/2016958>